

20. О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 22 июля 2003 г., № 227-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

21. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2015 г., № 241-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

22. Медикаментозный аборт [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://webapteka.by/articles/article-text.html?url=medikament-abort>. – Дата доступа: 12.02.2018.

ХИЩЕНИЕ С КОСВЕННЫМ УМЫСЛОМ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ДОКТРИНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ

*Ковальчук А. В.
Хилота В. В.*

Нередко при совершении противоправных деяний наряду с достижением желаемого лицом результата происходит завладение чужим имуществом. Возможность совершения хищения с косвенным умыслом рассматривается авторами в настоящей статье.

Одним из обязательных признаков хищения является совершение лицом преступного деяния умышленно. В уголовно-правовой литературе почти безоговорочно утверждается, что хищение всегда совершается только с прямым умыслом [1, с. 75; 2, с. 42; 3, с. 19; 4, с. 6–7; 5, с. 22; 6, с. 53; 7, с. 81; 8, с. 37]. Согласно ч. 2 ст. 22 УК преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело их общественно опасные последствия и желало их наступления.

Важной составляющей хищения является характеристика волевого элемента умысла, свидетельствующего о его направленности на достижение того или иного преступного результата. Здесь кульминационным моментом, характеризующим волевое поведение, является исполнение принятого решения, заключающееся в совершении хищения.

Тем не менее, в правоприменительной практике продолжает оставаться спорным вопрос относительно возможности совершения хищения не только с прямым, но и с косвенным умыслом. В качестве одного из таких примеров приводят случаи незаконного получения

гражданином листка временной нетрудоспособности, являющегося документом, освобождающим его от работы, и основанием для начисления пособия в связи с временной потерей трудоспособности.

Как полагает В. В. Векленко, в данном случае основной целью такого поведения выступает стремление работника избежать дисциплинарной ответственности за прогул либо получить свободное время для решения личных задач. При этом виновный понимает, что результатом такого «освобождения от работы» будет незаконное получение денежного пособия без имеющихся на то фактических оснований. Иными словами, содеянное в этой части будет представлять собой совершение хищения путем мошенничества посредством представления фиктивного документа. Таким образом, незаконно получая оплаченный «больничный», лицо может преследовать две цели, причем корыстная чаще всего не является основной [9, с. 170]. Отсюда и делается вывод, что хищение, ставшее неизбежным результатом реализации иной личной цели, может быть совершено с косвенным умыслом, поскольку в основе такого поведения лица лежит желание избежать ответственности за неявку на работу или обеспечить свободное время, но при этом виновный сознательно допускает причинение имущественного вреда организации, работником которой он является.

И. С. Тишкевич полагал, что «не может быть никаких сомнений в том, что стремление скрыть прогулы не исключает умысла на хищение, если виновный представляет фиктивный больничный бюллетень для оплаты. Наказывать подобные действия лишь как подделку документов или использование поддельных документов ... было бы неправильно, так как виновный не только старается освободиться от выполнения трудовых обязательств, но и преследует цель незаконно получить определенную (нередко весьма значительную) не причитающуюся ему денежную сумму. Отрицание наличия признаков хищения в рассматриваемых случаях может лишь ослабить борьбу с нарушителями трудовой дисциплины, нежелающими честно трудиться, стремящимися получить вознаграждение за труд в большем размере, чем следует» [10, с. 42-43; 11, с. 63-64].

Обоснование такого подхода сводится к следующему: если виновный имеет две цели, то признанная судом доминирующей лежит в основе квалификации преступления с прямым умыслом. Если виновный одним действием совершает два умышленных преступления, одно из них должно быть квалифицировано как содеянное с косвенным умыслом.

Хищение всегда совершается с корыстной целью, а раз так, то умысел при совершении хищения может быть только прямой. Соответственно, если умысел при хищении направлен не на преступное обогащение, а на достижение иных целей, то это свидетельствует об отношении к последствиям не с прямым, а с косвенным умыслом, чего никак не может быть при хищении чужого имущества.

Например, уголовное дело по ч. 1 ст. 209 УК было возбуждено в отношении К., которая по месту работы, представила заведомо поддельный листок нетрудоспособности, в результате обманным путем завладев денежными средствами в виде пособия по временной нетрудоспособности. Было установлено, что К. в период времени, отраженный в поддельном листе нетрудоспособности, находилась в ином населенном пункте, где ухаживала за своим сыном, находившимся на излечении в медицинском учреждении. Таким образом, умысел К. был направлен непосредственно на предъявление заведомо подложного документа – листка нетрудоспособности по месту трудовой деятельности для обоснования своего неправомерного отсутствия на рабочем месте в указанный период. По указанной причине в последующем уголовное преследование в отношении К. по ч. 1 ст. 209 УК было обоснованно прекращено.

Продолжает оставаться неоднозначным в судебно-следственной практике подход, когда должностное лицо, злоупотребляя своими служебными полномочиями, не имеет цели безвозмездного получения денежных средств, но впоследствии в силу результата производственного процесса получает денежные средства в виде премий или надбавок к заработной плате. По этому поводу среди правоприменителей бытует мнение, что такие ситуации все равно необходимо расценивать как хищение.

Судебно-следственной практике уже были известны перегибы в данном вопросе, когда преступлением считалось и так называемое хищение в пользу третьих лиц. Жертвами такого толкования были энергичные, предприимчивые хозяйственные руководители (отдельные председатели колхозов, директора совхозов и иных предприятий), которые в нарушение ведомственных инструкций часть получаемых доходов использовали на дополнительную заработную плату колхозников и рабочих (деньги эти были действительно заработаны последними). Однако размеры таких выплат суммировались, а их присвоение вменялось в вину хозяйственным руководителям как хищение социалистического имущества. Последние приговори-

вались к длительным срокам лишения свободы даже в случае, если сами никаких сумм не получали [12, с. 269–272].

Подобная практика была закреплена в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1985 г. № 7 «О практике применения судами законодательства по делам о приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов». Игнорирование содержания умысла виновных при юридической оценке действий исполнителей приписок приводило к тому, что фактически допускалась возможность наличия хищений, совершаемых с косвенным умыслом и без корыстной цели [13, с. 4].

Например, широко известные криминалисты советского времени В. А. Владимиров и Ю. И. Ляпунов так характеризовали данную ситуацию: «Как известно, общим понятием хищения, выработанным теорией советского уголовного права, охватываются случаи как безвозмездного корыстного обращения социалистического имущества в пользу самого виновного, так и незаконного распоряжения им как своим собственным, в частности противоправная передача его в собственность лиц, не причастных к событию преступления. Указанная ситуация по существу как раз и имеет место в случаях создания должностным лицом «оснований» для незаконной выплаты работникам соответствующих организаций государственных или общественных средств под видом премиального вознаграждения или надбавок к заработной плате. То обстоятельство, что виновное лицо не присваивает себе определенной суммы из этой части незаконно выплаченных денежных средств, не меняет юридической природы хищения, ибо и в этом случае расхититель распорядился социалистическим имуществом как своим собственным» [14, с. 127–128].

Таким образом, констатировалось, что неизбежным результатом приписок, независимо от умысла виновного, является незаконная выплата ему и другим лицам денежных средств и эти последствия предвидятся должностным лицом – субъектом приписок. Из каких бы побуждений ни совершались виновным приписки, он всегда осознает, что получит необоснованные выплаты.

О том, что данный вопрос не потерял свою актуальность, свидетельствует следующий пример. Семеро сотрудников одного из ОАО органами предварительного следствия обвинялись в хищении путем злоупотребления служебными полномочиями 12,2 млн. (здесь и далее – неденоминированных) руб. Достоверно зная, что ОАО не выполняет планово-производственные показатели, обвиняемые (в

лице директора, его заместителя, начальников цехов) рассчитывали количество готовой продукции, которую необходимо было приписать в отчете каждого цеха, чтобы формально выполнить планово-производственные показатели. В результате такого рода действий ОАО был причинен ущерб в особо крупном размере, однако эти денежные средства выплачивались рабочим в качестве премиальных за выполненную работу, где часть премий предназначалась и некоторым обвиняемым (в среднем по 150 тыс. руб.). Проведенная финансово-хозяйственная экспертиза подтвердила некоторое завышение отчетных данных и необоснованное начисление премий.

Как видно, квалификация подобных случаев как хищения имеет под собой обоснование, главным образом сводящееся к тому, что хищение может совершаться и с косвенным умыслом. Иначе говоря, при совершении хищения с косвенным умыслом завладение чужим имуществом является неизбежным результатом поведения виновного, который в качестве основной преследует и иную цель [10, с. 42; 15, с. 22]. Базируется же данное утверждение, главным образом, на том, что корыстные мотивы при хищении не являются единственными, они могут сочетаться с другими побуждениями некорыстного характера.

Однако вряд ли в данной ситуации обоснованным будет вывод суда о том, что обвиняемые похитили 12,2 млн. руб., скорее они причинили ущерб предприятию на указанную сумму, злоупотребив властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК). В подобных случаях особое внимание необходимо обращать на способ извлечения материальной выгоды и направленность умысла виновных. Само по себе установление завышенных вознаграждений или премий по договорам и контрактам не может служить основанием для квалификации действий по ст. 210 УК как хищения. Здесь важно установить и доказать корыстную заинтересованность должностного лица, и если таковая имеется, то лишь тогда присутствуют основания для применения ст. 210 УК.

Игнорирование содержания умысла виновных в данном случае приводит к тому, что фактически допускается возможность совершения хищения с косвенным умыслом и без корыстной цели. Однако еще раз заострим внимание: указание в уголовном законе на цель преступления всегда является показателем прямого умысла, а затушевывание данного обстоятельства порождает принцип объективного вменения.

Так, В. обвинялась по ч. 1 ст. 211 УК в том, что она, являясь магистрантом, будучи направленной для прохождения непрерывной стажировки в г. Киев с выплатой ей из государственного бюджета денеж-

ных средств на командировочные расходы, самовольно выехала из Украины и находилась на территории Республики Беларусь по месту своего жительства, о чем руководству учебного заведения не сообщила, присвоив, таким образом, государственные бюджетные средства в размере 3 304 800 руб. Следствием установлено, что при оформлении авансового отчета В. неверно указала количество дней, которые она провела в г. Киеве, вследствие чего командировочные расходы были необоснованно завышены. Обвиняемая свою вину не признала и показала, что не имела умысла на завладение денежными средствами. Порядок прохождения стажировки и оформления финансовых документов ею был нарушен по незнанию. Государственный обвинитель в судебном разбирательстве пришел к выводу, что доказательств, указывающих на наличие корыстных побуждений у обвиняемой при составлении авансового отчета, не было. Постановлением суда производство по уголовному делу в отношении В. по ч. 1 ст. 211 УК прекращено.

Правильное установление направленности умысла виновного и мотива его действий помогает отграничить хищение от других преступлений, где лицо хотя и получает противоправным и безвозмездным образом чужое имущество, но умысел при этом направлен не на преступное обогащение, а на достижение иных целей (например, получение средств по подложному больничному листку, представленному в целях оправдания прогула; получение премии в результате представления фиктивных данных о выполненном плане; улучшение показателей в работе с целью показать себя в выгодном свете; изъятие одежды купающихся с целью поставить их в неловкое положение и т. д.). В такой ситуации завладение имуществом по некорыстным мотивам не может рассматриваться как хищение.

Приведем пример. Я., являясь должностным лицом – начальником исследовательской лаборатории внедрения новой технологии ОАО, ненадлежащим образом исполнял должностные обязанности, выразившиеся в том, что им не оприходовались должным образом использованные в ходе технологического процесса остатки металла, в результате чего образовались его излишки на сумму более 34 млн. руб. Органами предварительного следствия Я. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 13, ч. 4 ст. 210 УК. Я. вину не признал и показал, что при изготовлении оборудования лабораторией имело место неиспользование в полном объеме материалов, вследствие чего и образовались излишки, которые списывались с целью использования их в случае отсутствия ме-

тала для последующего срочного изготовления необходимого оборудования и разработки нового (на учет эти излишки не ставились). Каких-либо данных, свидетельствующих о подготовительных действиях со стороны А. на завладение имуществом, следствие не представило, вследствие чего суд признал виновным А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 428 УК [16, с. 483].

Таким образом, какие бы трудности не возникали при определении отношения лица к совершаемому деянию, работники правоохранительных органов должны руководствоваться принципом субъективного (а не объективного) вменения при доказывании совершенного лицом хищения.

Сказанное вовсе не означает, что в рассматриваемых нами ситуациях априори имеет место косвенный умысел и признаки хищения чужого имущества в таких делах всегда будут отсутствовать. Напротив, можно говорить о хищении и в данных ситуациях, однако для этого необходимо установить прямой умысел лица на завладение чужим имуществом, для чего следует при выявлении фактов подделки больничных листов выяснять причины прогулов, был ли прогул подготовлен заранее или нет, готовились ли подложные документы до прогула или после него. Это же относится к всевозможным припискам в документах, ибо сам по себе факт получения денежных средств в виде премий еще не позволяет вменить лицу в вину хищение. Обстоятельствами, свидетельствующими о возможном совершении хищения, в данном случае могут служить факты продолжительности преступной деятельности, многократность совершения приписок и т. д. Поэтому как хищение может быть расценено при присвоении незаконно начисленных премиальных выплат должностному лицу в той сумме, которую оно получило лично.

Констатируя сказанное, заметим: по общему правилу, волевой момент умысла при хищении состоит в желании обратить чужое имущество в свою пользу или в пользу других лиц, в судьбе которых виновный заинтересован (прямой умысел). Тем не менее, в отдельных случаях, когда лицо, совершая определенное преступление, осознает, что его действия могут повлечь обращение в его пользу чужих материальных средств в качестве последующего закономерного результата, волевой момент в отношении реализации вторичной цели хищения, как отмечает В. В. Векленко, может заключаться в сознательном допущении последствий либо в безразличном к ним отношении [9, с. 173], что характеризует косвенный умысел.

Таким образом, при косвенном умысле наступление общественно опасных последствий не является ни прямой целью преступления, ни необходимым средством достижения какой-то другой цели. Общественно опасные последствия при косвенном умысле воспринимаются виновным как «побочный продукт» его деятельности, которая направлена на достижение совершенно иных преступных или даже не преступных последствий.

По этой причине никак нельзя приравнять косвенный умысел к неопределенному, и на этой почве пытаться вывести сентенцию о совершении хищения с неопределенным умыслом (а на самом деле, как бы с косвенным).

Заметим, что уголовное законодательство не знает понятия неопределенного умысла, оно разработано теорией уголовного права, поэтому данная разновидность умысла есть не что иное, как специфическое проявление прямого или косвенного умысла. В современной уголовно-правовой доктрине неопределенный умысел трактуется как психическое отношение лица к общественно опасным последствиям своего деяния, при котором виновный предвидел возможность наступления различных общественно опасных последствий своего деяния и в равной степени желал либо не желал, но сознательно допускал наступление любого из них или относился к ним безразлично [17, с. 251]. То есть неопределенный (неконкретизированный) умысел характеризуется тем, что у виновного имеется не индивидуально-определенное, а обобщенное представление об объективных свойствах деяния, где он осознает только его видовые признаки (например, похитить имущество в крупном или особо крупном размере) [18, с. 82].

Итак, хищение характеризуется наличием у лица специального умысла, т.е. такого, который определяется наличием в сознании виновного особой цели, включенной законодателем в состав преступления в качестве конститутивного элемента преступления. В таком случае деяние может быть совершено только с прямым умыслом. По этой причине любой косвенный умысел может рассматриваться как неопределенный (реальная возможность наступления нескольких последствий), однако такой умысел так и останется косвенным, а не прямым. При прямом неопределенном умысле виновным лицом, как правило, предпринимаются дополнительные действия, увеличивающие вероятность наступления общественно опасных последствий, даже если преступные намерения виновного и не конкретизированы.

При косвенном умысле результат не нужен виновному ни в качестве конечной цели, ни в качестве средства достижения какой-либо иной цели. В этом случае лицо не заинтересовано в наступлении общественно опасных последствий своих действий [19, с. 92]. Специфика косвенного умысла (не желание, а сознательное допущение результата) в том именно и состоит, что виновный, осознавая, что его действия причинят данный ненужный ему результат, тем не менее, совершает это деяние, не рассчитывая при этом на какие-либо обстоятельства, которые, по его мнению, должны были бы и по своему характеру могли бы предотвратить наступление общественно опасных последствий. Следовательно, нельзя конкретный характер наступивших последствий при хищении определять случайностью. В рамках косвенного умысла психическое отношение к нереализовавшимся последствиям юридически не существует.

Осознание же виновным степени вероятности «выпадения» того или иного результата сильно зависит от его личного опыта и психических особенностей. И это не исключает вменения, поскольку, учитывая особенности доказывания субъективной стороны преступления, круг предполагаемых последствий деяния относится скорее к осведомленности суда об обстоятельствах рассматриваемого дела, чем к сознанию виновного [20, с. 80]. Следовательно, хищение всегда совершается с прямым специальным умыслом, и никогда не может быть совершено с косвенным неопределенным умыслом. Эта аксиома квалификации имущественных преступлений и в ее сущностное понимание не стоит вносить иные правоположения. Установление вида и направленности умысла при совершении деяния, в результате которого происходит завладение чужим имуществом, является залогом правильной квалификации действий виновного. Хищение может иметь место только при наличии у лица корыстной цели и прямого умысла.

Список цитированных источников

1. Кригер, Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества / Г. А. Кригер. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрид. лит., 1974. – 336 с.
2. Матышевский, П. С. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в Украинской ССР / П. С. Матышевский. – Киев : Изд-во Киевс. ун-та, 1972. – 202 с.
3. Калмыков, В. Т. Ответственность за хищение социалистической собственности / В. Т. Калмыков. – Минск : Изд-во «Беларусь», 1974. – 112 с.
4. Шарыло, Н. П. Умысел, мотив и цель при совершении хищений социалистического имущества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. П. Шарыло ; Ин-т по изучению причин и разработки мер по предупреждению преступности. – М., 1975. – 24 с.

5. Тенчов, Э. С. Размер и виды хищений социалистического имущества / Э. С. Тенчов. – Иваново : Изд-во Иван. ун-та, 1983. – 56 с.
6. Севрюков, А. П. Хищение имущества : криминологические и уголовно-правовые аспекты / А. П. Севрюков. – М. : Экзамен, 2004. – 352 с.
7. Гладилин, В. В. Временное позaimствование в уголовном праве: вопросы ответственности / В. В. Гладилин. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 144 с.
8. Гаухман, Л. Д. Ответственность за преступления против собственности / Л. Д. Гаухман, С. В. Максимов. – М. : Юринфор, 1997. – 320 с.
9. Векленко, В. В. Квалификация хищений / В. В. Векленко. – Омск : Изд-во Омской акад. МВД России, 2001. – 256 с.
10. Тишкевич, И. С. Квалификация хищений имущества / И. С. Тишкевич, С. И. Тишкевич. – Минск : Репринт, 1996. – 144 с.
11. Тишкевич, И. С. Уголовная ответственность за посягательства на социалистическую собственность / И. С. Тишкевич. – Минск : Университетское, 1984. – 168 с.
12. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Курс лекций : в 3 т. Особенная часть / А. В. Наумов. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – Т. 2. – 504 с.
13. Тропин, С. Субъективные признаки хищения / С. Тропин // Совет. юстиция. – 1990. – № 17. – С. 4–5.
14. Владимиров, В. А. Социалистическая собственность под охраной закона / В. А. Владимиров, Ю. И. Ляпунов. – М. : Юрид. лит., 1979. – 191 с.
15. Красуцких, Л. В. Карательная практика по уголовным делам о хищениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л. В. Красуцких ; Южно-Урал. гос. ун-т. – Омск, 2006. – 18 с.
16. Хилюта, В. В. Понятие и признаки хищения в уголовном праве / В. В. Хилюта. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 628 с.
17. Верина, Г. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности : проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук / Г. В. Верина ; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2003. – 504 с.
18. Рарог, А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : практ. пособ. / А. И. Рарог. – М. : Проспект, 2006. – 227 с.
19. Злобин, Г. А. Умысел и его формы / Г. А. Злобин, Б. С. Никифоров. – М. : Юридическая литература, 1972. – 264 с.
20. Кораблева, С. Ю. Вина как уголовно-правовая категория и ее влияние на квалификацию преступлений / С. Ю. Кораблева, В. А. Казакова. – М. : АНО Изд. дом «Науч. обозрение», 2016. – 191 с.

**О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО
В АНТИОБЩЕСТВЕННОЕ ИЛИ ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ**

Корытько А. В.

В настоящее время особую актуальность приобретает проблема воспитания подрастающего поколения как на общественном, так и на государственном уровне. Общеизвестно, что детский возраст